

24 СЕН 1988

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ТОЛЬКО ОДНА ДАТА — РОЖДЕНИЕ

Сегодня в Тбилиси открывается научно-творческая конференция, посвященная 90-летию со дня опубликования в тифлисской газете «Кавказ» первого рассказа М. Горького «Макар Чудра». Ее проводят Союз писателей СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького и Союз писателей Грузии.

Девяносто лет тому назад, в сентябре 1892 года, в тифлисской газете «Кавказ» был опубликован рассказ «Макар Чудра». В русской литературе появился новый писатель — М. Горький. Так подписал свое первое произведение Алексей Максимович Пешков и не подозревая, что имя это в ближайшие годы приобретет всероссийскую известность, что талант его вскоре будет признан такими великими писателями, как Лев Толстой и Антон Чехов, что уже в начале наступающего XX века к голосу Максима Горького будут прислушиваться прогрессивные люди всего мира.

В 1936 году, когда наша страна прощалась с Алексеем Максимовичем Горьким, А. Н. Толстой в речи на Красной площади сказал: «У художника, глубоко и правдиво отражающего революционные эпохи истории, каким был Горький... не две даты их бытия в истории — рождение и смерть, а только одна дата: их рождение». Глубоко обоснованная мысль. И верна она не только тогда, когда речь идет о дате явления в мир человека, которому суждено стать великим сыном своей Родины. Это справедливо и применительно к дате творческого рождения писателя.

Сегодня хочется глубже осмыслить тот примечательный факт, что событие это произошло в солнечной Грузии, в Тбилиси. Что это, случайность? Сам Горький так не думал. В 1931 году — в год празднования десятилетия Советской Грузии — М. Горький писал в газете «Заря Востока»: «Я никогда не забуду, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величавая природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги литератора».

В год шестидесятилетия Союза Советских Социалистических Республик, подводя итоги развития советской культуры, по праву гордясь торжеством ленинской национальной политики, могучей созидательной силой взаимобогащения культур наших народов, мы не должны забывать и о предыстории этих свершений. Такой предысторией советской многонациональной культуры является процесс последовательного сближения демократических культур народов царской России, единных в своем стремлении к справедливости и свободе, процесс, который креп, набирал

силу по мере того, как росло и развивалось революционное движение в стране. Русско-грузинские культурные связи являются замечательным примером этого процесса. Одно из ярчайших тому свидетельств — отмечаемое нами событие — творческое рождение на грузинской земле великого русского писателя.

Мы, однако, ничего не поймем в этом историческом событии, если не учтем, что в Грузии, как и во всей царской империи, были две культуры, культуры в широком смысле этого слова. С представителями одной из этих культур Пешков познакомился уже в первый день своего прихода в Тифлис, тут же оказавшись... в полицейском участке, где, как вспоминал потом Горький, почувывая, «благополучно и приятно провел первую ночь своего пребывания в столице Кавказа». Ему — бездомному бродяге — пришлось бы плохо, если бы его не выручил из полиции проживавший в Тифлисе царицкий знакомый М. Я. Началов. А потом он же нашел Пешкову работу и свел его со своими друзьями. Большинство из них, отбыв за свою революционную деятельность основное наказание, были ссыльнопоселенцами Тифлиса. Так познакомился будущий писатель с представителями другой культуры.

Пешков не изменил себе и на этот раз. За неполный год пребывания в Грузии он

чуть ли не всю исходил ее вдоль и поперек и убедился, что судьба рабочего человека и тут, как и всюду, где он побывал до того, тяжела и беспросветна. Но всё же именно в Грузии во время работы в главных мастерских Закавказской железной дороги ему посчастливилось сблизиться с профессиональной рабочей средой. В Тифлисе произошло и его сближение с интернациональными по убеждениям и составу революционными кругами, которым он останется верен во все последующие годы.

В Грузии будущий писатель наконец-то нашел прочную опору, близкую ему по своему духу среду, здесь начал он пропагандистскую революционную деятельность, здесь он обрел веру в свои силы, в самого себя.

Среди тифлисских друзей Пешкова, которые помогли ему выйти из блужданий по житейским перекресткам на большую дорогу борьбы и творчества, особое место занимает отбывший к тому времени царскую каторгу ссыльнопоселенец Александр Мефодиевич Калюжный. Через много лет М. Горький писал ему: «Вы первый... заставили меня взглянуть на себя серьезно. Вашему толчку я обязан тем, что вот уже с лишком тридцать лет служу русскому искусству.

...Старый друг, милый учитель мой, — крепко жму Вашу руку».

Среди многих реликвий, связанных с именем велико-

го писателя, находящихся в музее Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, особое место занимает небольшой столик, обтянутый слегка поблекшим красным сукном, который долго хранился в семье Калюжного. За этим столом и написан «Макар Чудра».

Что роднит первый рассказ Горького с его грузинскими впечатлениями? Да и есть ли между ними какая-то связь? В самом деле, ведь в отличие от многих других произведений Горького — начиная с рассказа «Мой спутник» и кончая рядом страниц «Клима Самгина» — в «Макаре Чудре» мы знакомимся с полуполюгендарным миром, совсем не похожим на Грузию. Но связь все же есть, притом существенная, глубокая.

Да, Горький прав — величие грузинской природы произвело на него благотворнейшее впечатление. Величавость, романтическая одухотворенность пейзажной живописи — характерная особенность творчества Горького, раннего — в особенности. Прав Горький и тогда, когда говорит о том, какое значение имело для него знакомство с романтической мягкостью грузинского народа. Существенно, однако, что эту мягкость Пешков мог почувствовать отнюдь не в полицейском участке Тифлиса, не в духане, где он в первый же день своего пребывания в городе был втянут в жестокую драку. И не в тюремной камере Метехского замка, куда он был

водворен через 6 лет, доставленный в Тифлис из Нижнего Новгорода в сопровождении двух жандармов. Он ощутил ее в рабочей среде, в той «коммуне» на Ново-Арсенальной улице Тифлиса, в которой жил и работал, в той революционной среде, которая и помогла ему выбрать путь, ведущий к Ленину, к большевистской партии.

Яркий революционно-романтический колорит ранних произведений Горького и был отражением этих впечатлений. Опираясь на легенду, услышанную им в странствиях по Руси, Горький создает произведение, в котором воплощается народная мечта о гордых, смелых и сильных людях, любящих свободу больше жизни. Вместе с тем в этом легендарно-романтическом произведении нашли отражение и реальные судьбы окружавших его людей, бесстрашно вступивших на путь борьбы с самодержавием. Вот из этого сплава вековых народных чаяний и устремлений с героикой практики революционной борьбы и рождалось творчество Горького.

Революционная сущность раннего творчества Горького определялась уже в Тифлисе. Здесь был написан первый вариант легенды о Данко, отдавшем людям жар и свет своего сердца, рассказ «Девушка и смерть» — прекрасная легенда о победе любви над смертью. От всех этих произведений был уже прямой путь к «Песне о Соколе» и «Песне о Буревестнике», которые принесли Горькому заслуженную славу буревестника революции.

Г. БЕРДНИКОВ,
член-корреспондент
АН СССР